

НЕДѢЛЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

(Мое рѣшеніе спутешествовать въ Константинополь, — хлопоты съ заграничнымъ паспортомъ. — Отправленіе на „Олеѣ“ изъ Севастополя, маленькое приключеніе. — Товарищи по каютъ-комнани, — знакомство съ заграничнымъ Грекомъ. — Красоты Восфора, — видъ на св. Софію съ рейда. — Поселеніе въ Пантелеимоновскомъ подворьѣ. — Первый день въ Константинополѣ и проводникъ кур-Димитрій (вопросъ о его національности).

Одинъ изъ достоуважаемыхъ профессоровъ нашей Академіи, не по книгамъ лишь изучавшій Востокъ, не разъ говорилъ мнѣ съ укоризной: „Какъ это бываете вы въ Одессѣ и Крымѣ и не съѣздите въ Константинополь, въ этотъ знаменитый и прекрасный городъ! Всего вѣдь не много больше сутокъ ѣзды на пароходѣ — это не простиительно“.

Я и самъ хорошо сознавалъ, что этотъ упрекъ справедливъ. И однакожь встаки не ѣхалъ въ Константинополь ¹⁾. Причины, удержавшія меня, были чисто и исключительно психологическія. По свойству своего характера, я не способенъ выходить изъ той узкой житейской сферы, въ какую ставятъ меня мои прямыя обязанности. Хлопоты съ какимъ то заграничнымъ паспортомъ, какими-то „визами“, перспектива попасть во власть какихъ-то консуловъ, ка-

¹⁾ Считаю не безполезнымъ для незнающихъ обо мнѣ читателей отречься: я состою профессоромъ древней церковной исторіи и Византійско-восточной исторіи новѣйшаго времени. Поэтому, имя Константинополя для меня дорого и священно. Оно упоминается чуть не на каждой моей лекціи и чуть не въ каждой моей статьѣ. И тѣмъ не менѣе до истекшаго года я не былъ въ Константинополѣ.

вассовъ, проводниковъ — толмачей — все это казалось мнѣ настолько непріятнымъ, что я мечталъ о Константинополѣ, но двинуться въ него не рѣшался.

Наконецъ, въ моемъ душевномъ настроеніи произошелъ благодѣтельный кризисъ. Благодаря вниманію одного высокопоставленнаго лица, проживавшаго до начала текущаго года въ Москвѣ, я получилъ возможность если не ѣхать въ Константинополь, то жить тамъ безъ малѣйшихъ хлопотъ и заботъ, при чемъ мнѣ даны были рекомендаціи, создававшія для меня наилучшія условія жизни въ турецкой столицѣ. Колебаться уже не приходилось, и я воспользовался удобнымъ случаемъ. — Хлопоты съ паспортомъ (въ іюнѣ прошлаго года) хотя и потребовали отъ меня, вслѣдствіе несоблюденія мною нѣкоторыхъ формальностей (съ которыми я вообще совѣмъ незнакомъ) неоднократной явки въ канцелярію московскаго генераль-губернатора, но все кончилось благополучно. Причемъ я съ удивленіемъ узналъ, что турецкимъ консуломъ въ Москвѣ съ давнихъ поръ состоитъ извѣстный банкиръ — еврей г. Поляковъ.

Такъ какъ я не имѣлъ въ виду прямо ѣхать въ Константинополь, но вознамѣрился напередъ совершить для своего освѣженія прогулку по южной Россіи, то я начерталъ себѣ слѣдующій длинный маршрутъ: Кавказъ, Владикавказъ, военно-грузинская дорога, Тифлисъ, Батумъ, берега южнаго Крыма, Севастополь, Константинополь, Одесса, Сергіевъ Посадъ, — маршрутъ, который я выполнилъ съ точностію „особы“.

Путешествіе въ Константинополь началось изъ Севастополя, гдѣ я 21-го іюля въ 8 часовъ утра благополучно сѣлъ на пароходъ, разъ въ недѣлю отправляющійся въ Константинополь и возвращающійся обратно. Говорю: сѣлъ благополучно, если не считать того, что я не предъявилъ своего паспорта въ севастопольскомъ портѣ для штемпельной отмѣтки о времени выѣзда за границу, но эту мою оплошность любезно исправилъ таможенный (или полицейскій) офицеръ, приказавъ жандарму послѣ уже втораго пароходнаго свистка, сбѣгать на берегъ, что тотъ и исполнилъ съ замѣчательной быстротой. Пароходъ назывался: „Олеги“ — имя нѣсколько претензіонное. Извѣстно, что нѣкогда русскій князь Олегъ съ своей дружиной прибылъ

свой щить ко вратамъ Константинополя, но нашъ пароходъ сравнительно небольшой не могъ быть опасенъ для турецкой столицы. Если бы даже онъ былъ наполненъ не мирными мореплавателями, а готовыми къ бранямъ русскими солдатами, то и тогда онъ не въ состояніи былъ бы сдѣлать ничего такого, что сдѣлалъ Олегъ: Константинопольскій проливъ усѣянъ турецкими крѣпостями и крѣпостцами, вѣроятно, не дремлющими, да и въ Константинополь въ настоящее время нѣтъ никакихъ воротъ, къ которымъ можно было бы прибить русскій военный щить.

Мое пароходное общество было очень немногочисленно (такимъ въ особенности казалось мнѣ оно послѣ многочисленнаго общества на томъ пароходѣ, на которомъ я ѣхалъ по берегамъ Крыма). Его составляли: капитанъ, любезный господинъ, неизмѣнно являвшійся къ намъ въ каютъ-компанію къ чаю, завтраку и обѣду и бывшій самымъ внимательнымъ хозяиномъ; севастопольскій прокуроръ, ѣхавшій полюбоваться видами Константинополя на время до возвратнаго рейса и много толковавшій на основаніи лишь слуховъ о прелестяхъ Принцевыхъ острововъ (въ Мраморномъ морѣ); старшій механикъ, подражавшій капитану въ аккуратности визитовъ къ намъ и въ любезности. Съ этимъ господиномъ у меня были безконечные споры, разнообразившіе время, о томъ: что выше „опытъ или теорія“. Онъ стоялъ за опытъ, а я, какъ представитель идеалистическаго учрежденія, гдѣ профессорствую, за теорію, при чемъ прокуроръ обыкновенно бралъ сторону старшаго механика — и я долженъ былъ говорить за двоихъ, что впрочемъ ни мало меня не стѣсняло. Наконецъ, съ нами ѣхало двое французовъ (повидимому, это были коммерсанты, не чуждые туристскихъ цѣлей), ничего не знавшихъ по-русски, кромѣ одного слова, притомъ же произносимаго ими на французскій ладъ: wodka. Эту wodka я всегда во время стола безмолвно пододвигалъ къ нимъ поближе и въ награду удостоился услышать отъ нихъ два слова: wodka-merci. При моей подвижности, мнѣ однакожъ было слишкомъ мало такого общества и къ счастію я нѣсколько расширилъ число своихъ собесѣдниковъ, познакомившись во время прогулокъ на „ютѣ“ съ однимъ грекомъ. Это былъ учитель греческаго языка съ острова Кефалоніи, подданный эллинскаго короля.

Онъ гостилъ лѣтомъ у своихъ знакомыхъ въ Одессѣ, потомъ посѣтилъ Крымъ и возвращался обратно къ мѣсту своей службы — въ виду окончанія вакаціи. Онъ былъ охотникъ до разговоровъ, но къ сожалѣнію онъ плохо говорилъ по-русски, а я столь же мало владѣю разговорнымъ греческимъ языкомъ. Рѣчь по необходимости велась на двухъ языкахъ заразъ, при чемъ она приправлялась и пояснялась жестами. Мой грекъ почему-то всегда, когда рѣчь касалась денегъ, для ясности своей мысли, слагалъ ладонь правой руки въ пригоршню и прищелкивалъ языкомъ. Повидимому, онъ былъ человѣкъ очень набожный и часто цитировалъ слова Псалмовъ на греческомъ языкѣ, а на мою долю выпадала обязанность передать эти же слова по-русски. Я замѣтилъ въ его рукахъ четки, принялъ ихъ за знакъ его монашескихъ наклонностей, расспрашивалъ его: что значить, что онъ носитъ четки, но сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта отъ него не услышалъ. Я тогда подумалъ, что я не совѣмъ толково разъяснилъ ему свой вопросъ, а потому и не получилъ яснаго отвѣта. Но впоследствии я понялъ, что Грекъ, вѣроятно, просто не зналъ, что сказать мнѣ на этотъ простой, но неожиданный вопросъ. Дѣло въ томъ, что, какъ оказалось послѣ, въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ многіе Греки точно также носятъ четки. И я изъ собственныхъ наблюденій вывелъ то заключеніе, что четки носятъ многими такъ себѣ — ни для чего; точнѣе сказать, съ тою же цѣлю, съ какою у насъ люди, принадлежащіе къ достаточному классу, таскаютъ съ собою тросточки всюду, куда ни пойдутъ. Это сравненіе мнѣ кажется совершенно справедливымъ. Мнѣ почему то вздумалось пригласить этого Грека ѣхать къ намъ въ Академію для богословскаго образованія. Но оказалось, что онъ уже учился въ богословскомъ факультетѣ Лѳинскаго университета и не кончилъ курса здѣсь только потому, что долженъ былъ взять на свои руки престарѣлыхъ родителей, оставшихся безъ средствъ къ жизни; по этой же причинѣ онъ не могъ бы ѣхать въ Академію, хотя и желалъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что онъ очень высоко цѣнитъ сочиненія (проповѣди) покойнаго высокопреосвященнаго Никанора, что онъ читалъ и даже изучалъ ихъ въ оригиналѣ. Плодомъ этого изученія была составленная имъ біографія

Никанора и характеристика проповѣдей послѣдняго, напечатанныя въ какомъ-то журналѣ, издаваемомъ въ свободной Греціи. Съ Грекомъ я условился- видѣться въ Константинополь, для чего я сообщилъ ему свой будущій адресъ (я предполагалъ взять отъ него точныя свѣдѣнія о мѣстѣ его службы и пр.), но случилось такъ, что онъ въ Константинополь два раза заходилъ ко мнѣ, но не заставалъ дома. Я потерялъ его изъ виду. Фамиліи его не помню.

Черное море само по себѣ меня мало интересовало. Я уже давно знакомъ съ нимъ, притомъ же оно не производитъ на меня никакого впечатлѣнія. Сѣро оно — вотъ и все. Въ особенности съ берега я даже не умѣю отличить его отъ дымчатаго облака и отъ тумана. Впрочемъ, мнѣ приходилось видѣть море еще болѣе тусклое. Разумѣю: Азовское море. Своимъ унылымъ видомъ оно способно нагнать хандру.

На другой день послѣ завтрака, часовъ въ одиннадцать съ половиной, ясно начали очерчиваться берега, прилегающіе къ устью константинопольскаго пролива. Видъ мало привлекательный. Полное сходство съ тѣми скучными берегами Крыма, которыхъ не коснулась культурная рука человѣка. Но вскорѣ мы вступили въ самый Восфоръ¹⁾. Картина быстро перемѣнилась. Крутые берега пролива, покрытые зеленью и разнообразными постройками, прихотливо разбросанными по возвышенностямъ и отлогостямъ, заставляли не отрываясь глядѣть въ бинокль. Входъ въ проливъ, очевидно, отданъ въ распоряженіе турецкаго артиллерійскаго вѣдомства. Турецкое военное начальство собрало здѣсь многое множество Крупновскихъ гостинцевъ въ ожиданіи такой гостии, какъ русская флотилія. Подступитъ къ Константинополю съ пролива едва-ли, кажется, когда удастся русскому воиству. Впрочемъ, военныя сооруженія не долго привлекаютъ вниманіе туриста, ихъ смѣняютъ другія картины, картины идиллическаго характера. Вдоль Восфора тянется, справа и слѣва, со стороны европейскаго и азіат-

¹⁾ Конечно, пужно произносить Восфоръ, а не Босфоръ, потому что такъ произносятъ теперешніе греки, а они вообще выговариваютъ греческія буквы такъ, какъ учатъ въ нашихъ духовныхъ школахъ, а не по Эразму, т. е., совершенно правильно, какъ это превосходно доказано проф. Модестовымъ въ недавно напечатанной имъ статьѣ въ Ж. М. Н. Пр.

скаго материка, рядъ самыхъ живописныхъ и разнообразныхъ построекъ, утопающихъ въ зелени садовъ и рощей. Вотъ началась группа загородныхъ дворцовъ, представляющихъ лѣтнюю резиденцію разныхъ иностранныхъ посольствъ. Вотъ дворецъ русскаго посольства, самый отдаленный отъ Константинополя, ничѣмъ, впрочемъ, не замѣчательный и не бросающійся въ глаза. Вотъ, почему-то въ видѣ фабрики, лѣтняя резиденція французскаго посольства, имѣющая, какъ говорятъ, громадный паркъ; вонъ красивое зданіе англійскаго посольства; вотъ дворецъ германскаго посольства, совершенно новенькій, затѣйливой архитектуры, съ башнями, затѣмъ слѣдуютъ дворцы другихъ посольствъ. Дворцы эти построены на европейской сторонѣ, по самому берегу пролива. — Затѣмъ уже идутъ почти сплошные ряды построекъ на право и на лѣво, перемежающіеся однако садами и вообще зеленью. Прихотливо разбросанныя, строенія по верху, въ срединѣ и на самомъ низу гористыхъ береговъ пролива, ежеминутно веселятъ взоры разнообразіемъ и причудливой пестротой. Попадаются мечети, построенныя на удачно выбранныхъ возвышенностяхъ; а вотъ начинаются и дворцы турецкаго султана, не такой архитектуры, какъ наши дворцы, не высокіе, удлиненной формы, почти безо всякихъ затѣйливыхъ украшеній, бѣлые до яркости, легкіе по стилю и изящные, почти сказочные, купающіеся своей тѣнью въ водахъ пролива, въ который они большей частію и упираются своими раззолоченными воротами. Среди всѣхъ этихъ построекъ почти безпрестанно попадаются развалины, впрочемъ значительнаго объема, развалины старинныхъ генуэзскихъ, венеціанскихъ и греческихъ построекъ и укрѣпленій. Только и думаешь о томъ, какъ бы не пропустить чего-либо интереснаго, засмотрѣвшись на какое-нибудь зданіе или слишкомъ красивый пейзажъ. Я никакъ не могъ уяснить себѣ, да и теперь не ясно представляю, гдѣ оканчиваются предмѣстья Константинополя на европейскомъ берегу и начинается самый городъ. Въ то время, какъ я такъ усердно водилъ биноклемъ направо и налево, ко мнѣ незамѣтно подошелъ старшій механикъ и сказалъ: „вдосталь любуйтесь Константинополемъ, пріѣдете въ него — п.люнете“. „Шутки шутить“ мой словесный супостатъ, думалъ я. Но къ сожалѣнію, грубая

дѣйствительность превосходила, какъ я узналъ въ тотъ же день, самый пессимизмъ механика.

Двое моихъ спутниковъ французы съ такимъ-же не ослабѣвающимъ любопытствомъ смотрѣли попеременно то на европейскую, то на азиатскую сторону пролива, постоянно справляясь съ „гидомъ“, который былъ у нихъ въ рукахъ. Они, очевидно, осматривали окрестности, подъ руководствомъ книжки, которая толковала имъ то, что открывалось ихъ взору. Напротивъ, у меня не было никакого „гида“. Я нарочито не бралъ съ собой никакихъ описаній Константинополя, чтобы отъ всего видѣннаго получить самыя непосредственныя, такъ сказать, дѣйствионо - свѣжія впечатлѣнія. Я не хотѣлъ читать никакихъ описаній красотъ тѣхъ или другихъ мѣстностей, чтобы не связывать себя въ сужденіяхъ. Когда впоследствии, по приѣздѣ въ городъ, я однажды шелъ по какой-то улицѣ въ Перѣ и когда продавецъ книгъ сталъ предлагать мнѣ какой-то „путеводитель“ (должно быть, Бедеккера), и бѣжалъ за мной чуть не цѣлую улицу, навязывая мнѣ свой товаръ, то я все-таки не купилъ книги, оставаясь вѣренъ себѣ.

Но вотъ два часа дня, и нашъ пароходъ сталъ бросать якорную цѣпь. Мы остановились при поворотѣ изъ Восфора въ Золотой Рогъ—на такомъ пунктѣ, съ котораго открывался широкій горизонтъ, передъ нами были и Галатѣ, и Пера, и берега Золотаго Рога, а позади насъ Скутари. Съ рейда открывался великолѣпный видъ. Значительная часть Константинополя,—какъ на ладони. Но увы, глазами, вооруженными биноклемъ, я искалъ св. Софію, для которой я главнымъ образомъ и ѣхалъ сюда, а ея нѣтъ... не видно. Я воображалъ, что она выдѣляется изъ ряда другихъ построекъ своей грандіозностью и архаическимъ характеромъ, но обманулся. Пришлось спросить кого-то на пароходѣ: „Гдѣ же Софія“?— „Да вотъ“—и при этомъ указали мнѣ пальцемъ. Смотрю и что-же вижу? Предъ моими глазами что-то, лишенное всякой художественности. Мнѣ представилось, что я вижу какую-то дебелую старицу, сидящую по-турецки, поджавъ ноги, укутанную множествомъ шалей и имѣющую на своемъ челѣ повязку или чадру. „И это Айя-Софія,“ —подумалъ я.

Я былъ вполне увѣренъ, что сейчасъ же сяду на канкъ,

принадлежащій одному изъ монастырскихъ подворій и появлюсь на твердой землѣ въ Константинополѣ. Но пока я собиралъ свои вещи, прощался съ знакомыми, каккъ, на который я возлагалъ свои надежды, незамѣтно для меня уѣхалъ, оставивъ меня „безъ вѣтрила и руля“. Разумѣется, это вышло совершенно случайно; притомъ-же ни къ какимъ неприятностямъ не повело. На пароходѣ въ скоромъ времени появилась цѣлая куча разныхъ комиссіонеровъ, говорящихъ по десятку словъ на всѣхъ языкахъ—и я безъ труда объяснилъ одному изъ нихъ, что мнѣ нужно и куда меня слѣдуетъ доставить. Уговорившись о цѣнѣ за комиссію, я прыгнулъ въ одну изъ безчисленныхъ лодокъ, ожерельемъ окружавшихъ пароходъ—и черезъ двѣ минуты я и комиссіонеръ были на берегу, въ Галатѣ. Дальнѣйшій путь отъ берега до Пантелеимоновскаго подворья (т. е. подворья, принадлежащаго русскому Пантелеимонову монастырю на Аѳонѣ и извѣстнаго съ тѣмъ же именемъ) я совершилъ безъ малѣйшихъ приключеній ¹⁾ пѣшкомъ въ сопровожденіи все того же комиссіонера—въ какія-нибудь десять минутъ. Пантелеимоновское подворье находится въ Галатѣ недалеко отъ берега. Сюда я имѣлъ рекомендаціи и на это учрежденіе сдѣланъ былъ мой московскій аккредитивъ. Оказывается, что здѣсь меня давно уже ждали, но

¹⁾ Извѣстный неутомимый путешественникъ по Востоку и Африкѣ, докторъ Елисеѣвъ, описывая свое прибытіе въ Константинополь, говоритъ: „попавши въ такія обстоятельства (т. е. вынуждаясь оградить себя отъ турецкихъ придирокъ съ паспортомъ, отыскивать себѣ пристанище въ городѣ и т. д.) человекъ испытываетъ одно изъ самыхъ скверныхъ положеній, въ какомъ онъ только можетъ быть. Я помню самъ, какъ въ первый разъ съѣхалъ на берегъ Галаты, понадеявшись на свое знаніе языковъ и привычку путешествовать. И первый мой шагъ въ Галатѣ оглушилъ меня совершенно, меня осматривали, казалось, какъ дикаго звѣря, меня не понимали, на меня показывали пальцами“, пока наконецъ, по словамъ Елисеѣва, не взялъ его подъ свое крыло случайно подвернувшійся монахъ какого-то подворья („Съ русскимъ паломникомъ по Св. Землѣ“, стр. 62. Петерб. 1885). Совершенно не понимаю, какимъ образомъ что-либо такое могло случиться съ г. Елисеѣвымъ. Комиссіонеры, всѣ мѣнялы, многіе торговцы, нѣкоторые празднующіеся въ Галатѣ, неизвѣстно зачѣмъ пріѣхавшіе въ Константинополь и чѣмъ здѣсь живущіе—всѣ по маленьку говорятъ по-русски. А по французски или авглійски говорить во многихъ порядочныхъ магазинахъ. Мнѣ кажется, г. Елисеѣвъ сильно разтушевалъ картину своего прибытія въ К—поль.

только не изъ Севастополя, а изъ Одессы, чѣмъ и объясняется быстрое исчезновеніе монастырскаго кайка отъ парохода „Олеги“. Я почему-то ожидалъ, что турецкая таможня подвергнетъ меня тяжкимъ мытарствамъ по поводу паспорта и багажа ¹⁾, но ничего такого не случилось. Только на подворьѣ, когда комиссіонеръ потребовалъ съ меня франкъ за свободный, безостановочный пропускъ чрезъ таможню, я увидѣлъ, что воображаемые мною мытарства пройдены въ буквальный смыслъ— незамѣтно. Тутъ только я догадался, что значатъ тѣ таинственные жесты, которые дѣлалъ мой комиссіонеръ какимъ-то туркамъ, въ большомъ проходномъ зданіи, на которое я не обратилъ никакого вниманія, по которое и было турецкой таможей. За франкъ таможенные чины дали мнѣ свободный пропускъ, не сдѣлавъ даже попытки взглянуть въ мой чемоданъ и сакъ-воляжъ. Скоро и пріятно!

Въ Пантелеимоновскомъ подворьѣ мнѣ дали прекрасный угловой номеръ въ третьемъ этажѣ—съ замѣчательно красивымъ видомъ на Золотой Рогъ и св. Софію. Послѣобѣденное время перваго дня моего пребыванія въ Константинополѣ я посвятилъ на общій бѣглый осмотръ близъ лежащихъ мѣстностей—Галаты и Перы. Впечатленіе было весьма не выгодное для столицы Турціи. Я и прежде отлично зналъ, что Константинополь грязный городъ: его перьяпливость обратилась въ притчу. Но всетаки дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія (объ этомъ впрочемъ скажемъ послѣ). Само собою понятно, что безъ проводника я не рѣшился путешествовать по переплетающимся другъ съ дружкой улицамъ Константинополя: я боялся участи доктора Елисеѣва, о чемъ упоминалъ выше. Любезные пантелеимоновцы приставили ко мнѣ въ качествѣ проводника какого-то пожлаго славянина. Дмитрія, болтавшего и по-русски, и по-турецки, и по-гречески, но ни слова не знаваго на европейскихъ языкахъ. Онъ былъ моимъ чичероне во все время моего пребыванія въ Константинополѣ, хотя его познанія по части мірскихъ дѣлъ не были настолько обстоятельны, какъ бы это желалось мнѣ. Стоитъ замѣтить, что

¹⁾ Вѣроятно, меня запугалъ г. Елисеѣвъ вышеупомянутымъ сочиненіемъ, съ которымъ я былъ знакомъ еще до путешествія моего.

этотъ Димитрій (котораго я для пущей важности всегда величалъ кир-Димитрій) мнѣ выдавалъ себя за черногорца, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ чистокровнымъ болгаринимъ. Объ этомъ его родопроисхожденіи я узналъ случайно. Разъ спрашиваю нашего швейцара въ камилавкѣ: „пришелъ-ли мой черногорецъ“ (т. е. кир-Димитрій).— „Какой онъ черногорецъ, онъ—болгаринъ“. Sic! Значить, въ настоящее время болгарину становится стыдно заявлять о своей національности предъ русскимъ. Да, какъ видимъ, политика въ Константинополѣ проникаетъ даже въ подвальные этажи и вліяетъ тамъ на ходъ дѣлъ... При первомъ бѣгломъ обзорѣ вышеупомянутыхъ мѣстностей мое вниманіе обратилъ на себя лишь роскошный султанскій дворецъ Долма-Бахчѣ, въ который упирается главная улица Галаты, если идти внизъ, по направленію къ Восфору. Во первыхъ, этотъ дворецъ очень красивъ: онъ построенъ на самомъ берегу Восфора, а во вторыхъ, здѣсь заключенъ несчастный султанъ Мурадъ, предшественникъ и братъ теперешняго главы блистательной Порты. Раззолоченные ворота и мертвенная тишина и какая-то опустѣлость дворца—производитъ меланхолическое впечатлѣніе. Въ часы отдыха отъ поѣздокъ и путешествій, я, самъ не зная почему, очень часто приходилъ къ этой раззолоченной клѣткѣ, и приглядывался и къ самому дворцу и погружался въ созерцаніи очень поэтической картины, открывавшейся отсюда на Восфоръ....

I.

Обозрѣніе древнихъ святынь Константинополя. — Приготовленія къ обзору св. Софіи, — самый обзоръ ея, — бабуши, — необыкновенное впечатлѣніе отъ созерцанія внутренности храма и описаніе этого впечатлѣнія, — въ храмѣ много свѣта, но не чрезмѣрно, — куполь Софіи и его архитектурная особенность, онъ придаетъ красоту храму, но не служитъ ея основаніемъ, — разные вопросы о теперешнемъ состояніи св. Софіи, — турки на стражѣ археологій, — въ области историческихъ воспоминаній, связанныхъ съ именемъ св. Софіи, — проповѣди Фотія, здѣсь именно сказанныя по поводу вторженія Россовъ, — мои недоумѣнія, — Софія и лучшіе изъ русскихъ храмовъ, — камешки отъ софійской мозаики, — вопросъ о подлинности ихъ; — древній храмъ св. Прины, — преданіе объ одномъ многовѣковомъ платанѣ, — бывшая древнѣйшая церковь св. Апостоловъ. — Поѣздка къ святынямъ теперешняго Константинополя. впечатлѣніе отъ Стамбула, — храмъ „Живоноснаго Источника“, — священная вода, — монахъ и я, — здѣшнее греческое

кладбище Баликли; — путь во Влахернъ, — можно ли назвать эту дорогу „скверною“? Остатки Византійскихъ стѣнъ, — оттоманское кладбище, — посѣщеніе Влахернскаго храма и монастыря, — русскій колоколь и его судьба; — въ Фанарѣ и патриархіи: храмъ св. Георгія, — что показываютъ здѣсь достопримѣчательнаго? — патриаршіе покои, — ворота повѣшаннаго, — общее впечатлѣніе отъ греческихъ храмовъ. — Попутное посѣщеніе мечети Кахріе — Джамиси (древній монастырь), ея мозаики, — мой скепсисъ, — ударъ, нанесенный ему, — мысли и одно рѣшеніе.

Съ чего было начать обстоятельное обозрѣніе Константинополя ¹⁾, этого города древняго, новаго, великаго, гадкаго, много интриговавшаго прежде, не перестающаго быть предметомъ интригъ и по сію пору, города священнаго, богомерзкаго? Я давно рѣшилъ начать обзоръ Константинополя съ величайшей его святыни, св. Софіи, сдѣлавшейся мечетью на другой же день по завоеваніи Византіи турками. Но отправиться прямо въ Софію и осматривать ея я не рѣшался: мнѣ представлялось это какимъ-то кощунствомъ. Нужно было сначала приготовиться къ этому священному дѣлу, а потомъ и сдѣлать его. Мое приготовленіе состояло въ томъ, что я напередъ осмотрѣлъ св. Софію съ внѣшней стороны, не проникая въ нее самоё, я обошелъ ее кругомъ, обходилъ обширную площадь, на которой она стоитъ, и нѣкоторые близъ лежащіе пункты. Къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что и непосредственное впечатлѣніе отъ внѣшняго обзора Софіи не могло изгладить такого впечатлѣнія, какое у меня осталось отъ перваго взгляда на Юстиніановъ храмъ, еще съ рейда. И теперь мнѣ показался онъ и невзрачнымъ, и не имѣющимъ такихъ размѣровъ, какъ я воображалъ себѣ. Обозрѣніе внутренности храма я отложилъ до слѣдующаго утра.

На третій день по прибытіи въ Константинополь, въ

¹⁾ Считаю долгомъ напередъ оговориться: читатель пожалуй, не встрѣтить въ моей статьѣ никакихъ новыхъ извѣстій. Новыми для него могутъ быть лишь мои впечатлѣнія и наблюденія, которыя цѣликомъ принадлежатъ мнѣ лично. Мои наблюденія и впечатлѣнія нерѣдко отличаются отъ такихъ же впечатлѣній и наблюденій другихъ писателей Константинополя. Хотя въ моемъ описаніи и нѣтъ новизны извѣстій, тѣмъ не менѣе я рѣшился выступить съ нимъ публично, — по тому соображенію, что всегда и всѣхъ интересуеетъ то, что писалось и пишется о Константинополѣ по непосредственнымъ впечатлѣніямъ. Да иначе и быть не можетъ: вѣдь Константинополь крестный отецъ нашей страны.

десять часовъ утра я поѣхалъ для внутренняго обозрѣнія знаменитаго храма. Не буду говорить о томъ, кто впускаетъ сюда и что за это платится—это давно извѣстно, по той же причинѣ не буду упоминать и о тѣхъ бабушахъ (туфли), которыя надѣваютъ при этомъ на ноги гяура, поверхъ штиблетъ, дабы онъ своими стопами не осквернилъ помоста магометанской досточтимой мечети. Замѣчу только, что и при бабушахъ, хотя и псевольно, но не одинъ разъ я осквернялъ своими ногами столь-тщательно хранимый помостъ этой послѣдней. Бабуши оказались очень велики и при ходьбѣ незамѣтно для меня соскакивали съ ногъ: разумѣется, я сейчасъ же снѣшилъ заглаживать свой проступокъ... Наконецъ, я вошелъ въ самый храмъ, окинулъ его взоромъ и обомлѣлъ. Да какъ же онъ громаденъ! Я еще никогда не видалъ такого обширнаго храма! и какая неопикуемая противоположность между его наружностью и внутреннимъ видомъ! Снаружи онъ кажется вовсе не великъ, а внутри оказывается громаднѣйшимъ. Конечно, и красота его чудная! Это какъ будто дорогая бомбоньерка парижекаго издѣлїя, волшебствомъ превратившаяся въ грандіозное и граціозное зданіе. Легкость и гармонїя: ничего лишняго. Удивительно то, что съ какой точки внутри ни разсматривать храмъ, —отовсюду онъ виденъ почти весь, и красота его не теряетъ отъ перемѣны точки зрѣнія. Просто диво! Всѣ лучшія описанїя и всѣ лучшіе художественные снимки, изображающіе внутренность Софіи, какіе только намъ встрѣчались, всѣ совершенно вѣрны, потому что самъ храмъ художественно прекрасенъ. Но ни одно описаніе этой внутренности, какъ бы оно ни было тщательно сдѣлано, и никакая фотографїя и литографїя не могутъ возбуждать въ душѣ и сотою доли того чистаго наслажденїя и того сладостно-величаваго впечатлѣнїя, которое дается зрѣлищемъ самого храма. Быть можетъ, удивительнѣе всего то (это я самъ глубоко прочувствовалъ), что чѣмъ больше ознакомляешься съ храмомъ, тѣмъ больше и при томъ очень быстро сродняешься съ нимъ. Вы чувствуете, что какъ будто вы уже давно знаете этотъ храмъ и теперь только возстановляете въ памяти дорогія черты. Онъ какъ будто родной для васъ храмъ. Лишь истинно художественныя произведенїя способны возбуждать такія мысли и чувства!

Когда нѣсколько улеглась сила перваго впечатлѣнія, я старался дать себѣ отчетъ о подробностяхъ зримаго и чувствуемаго. Храмъ былъ свѣтеть, но вовсе не такъ свѣтеть, какъ рассказываютъ другіе, мнѣ извѣстные наблюдатели и описатели храма. Онъ ничуть не свѣтлѣе другихъ греческихъ храмовъ въ Константинополѣ ¹⁾. Большое количество свѣта, по моему мнѣнію, — не составляетъ особой принадлежности Софіи. Куполь Софіи столько разъ былъ описанъ, что я не рѣшаюсь еще разъ дѣлать тоже самое: къ тому, что всѣмъ извѣстно, мнѣ нечего прибавлять. Сознаюсь, что онъ не поразилъ меня громадностію. Но всежь онъ нѣчто неподражаемое. Почти всѣми археологами признано, что куполь—это есть ничто другое, какъ храмъ центрической (круглой) формы, вознесенный и утвержденный на верхней части другаго храма базиликообразнаго, составляющаго корпусъ софійской церкви. Утвердить храмъ (хотя бы и не великій) на другомъ храмѣ—задача, разрѣшеніе которой требовало гениальности. Весь софійскій куполь изъ камня и прорѣзанъ множествомъ оконъ. На чемъ же онъ держится? и это въ Константинополѣ, — гдѣ такъ часто бываютъ землетрясенія? Кому неизвѣстенъ громадный куполь, украшающій прекрасный храмъ въ такъ называемомъ Новомъ Іеру-

¹⁾ Одинъ, очень почтенный описатель храма софійскаго, описывавшій его по личнымъ наблюденіямъ, всегда точнымъ и вѣрнымъ, тѣмъ не менѣе впадаетъ въ преувеличеніе, когда говоритъ: „свѣтъ льется на васъ изъ всего верха и какъ бы охватываетъ и пронизываетъ васъ со всѣхъ сторонъ, производя въ первыя минуты невыразимое очарованіе“. Я посѣтилъ Софію позднимъ утромъ въ прекрасный солнечный день и однакожь ничего такого утверждать не нахожу оснований. Можетъ быть нашъ ученый туристъ посѣщалъ Софію или рано утромъ или подъ вечеръ, когда косые лучи солнца снопами врывались въ окна храма, но подобное переполненіе зданія свѣтомъ при указанныхъ обстоятельствахъ можетъ быть и въ каждомъ домѣ...

Совершенно случайно я нашелъ достаточное подтвержденіе сейчасъ высказанному мною предположенію. Извѣстный путешественникъ по Востоку, Муравьевъ, говоритъ: „надобно видѣть св. Софію *предъ вечеромъ*, когда лучи солнца проникають во всю глубину ея черезъ западное обширное окно верхней галлерей“. Еще „я сожалѣлъ, что день не склонился къ западу, дабы мнѣ полюбоваться вечернею картиною Софіи, когда вся она обращается въ одинъ чудный порфиновый водоемъ (?) преисполненный лучами солнца“ (Письма съ Востока, стр. 14, 28. Петерб. 1851).

салимѣ? Но построить этотъ куполь ничего не стоило. Онъ сдѣланъ изъ картона. Фактъ. А изъ картона можно построить, думаю, и башню Вавилонскую. Американцы теперь, какъ извѣстно, дѣлаютъ даже пушки изъ бумаги... Не то куполь Софіи: онъ изъ камня, онъ очень великъ, онъ разрѣзанъ множествомъ оконъ... Впрочемъ я не буду утверждать, какъ обыкновенно принято, что будто куполь главнымъ образомъ и придаетъ красоту Софіи. Если бы вмѣсто купола просто находилось большое отверстіе, какъ было въ римскомъ пантеонѣ, то, по моему мнѣнію, храмъ ничего бы не потерялъ отъ этого. Весь остальной храмъ такъ прекрасенъ, что куполь только прибавляетъ красоты, но не служитъ ея основаніемъ. Говоря это, я конечно могу быть обвиненъ въ проповѣди археологической ереси; но все же откровенно долженъ сказать, что мнѣ куполь показался лишь прелестною деталію цѣлаго — не больше. Мозаическіе полы Софіи теперь сплошь покрыты циновками, но это не только не портитъ общаго жизнерадостнаго впечатлѣнія отъ храма, а даже усиливаетъ это впечатлѣніе: мягкость шаговъ создаетъ какую-то таинственность, ощущаемую посѣтителемъ при перемѣщеніи съ одного мѣста на другое. Притомъ же, какъ я замѣтилъ, циновки очень свѣжи (вѣроятно онѣ часто мѣняются), издають своеобразный бальзамическій запахъ. Многимъ не нравится, что въ Софіи поклонниками ислама развѣшено въ ихъ цѣляхъ на желѣзныхъ прутьяхъ и цѣпяхъ довольно много деревянныхъ трехугольниковъ съ простенькими свѣтильниками ¹⁾, но я нахожу, что эти принадлеж-

¹⁾ Извѣстный писатель Евг. Марковъ, передавая свои впечатлѣнія отъ посѣщенія Софіи, говоритъ. „входите въ храмъ и вы видите: множество желѣзныхъ цѣпей и прутьевъ спускается сверху надъ всею обширною внутренностію храма; довольно близко къ полу, почти сплошь (?) висятъ деревянные трехугольники, круги, звѣзды, увѣшанные многими тысячами (?) самыхъ невзрачныхъ, но за то неизчислимыхъ (?) лампадъ и шкаликовъ“. Онъ называетъ это „гнусною паутиною турецкаго варварства, раскинувшая свои неуклюжія тенета“, — „гнусною паутиною, вездѣ торчащею надъ головой, вездѣ становящейся между красотой храма и глазами, благоговѣнно созерцающими ее“ („Европейскій Востокъ“. Вѣстн. Евр. 1886, Мартъ, стр. 138 и дал.). Совершенный вздоръ. Мнѣ кажется, что г. Марковъ (если только онъ въ самомъ дѣлѣ посѣщалъ Софію) росписалъ жалости подобными чертами ни въ чемъ неповинныя лампочки магометанъ, единственно для того, чтобы картинка вышла почувствительнѣе и потрогательнѣе.

ности мечети нисколько не мѣшаютъ наслаждаться зрѣлищемъ великолѣпнаго храма и даже совсѣмъ не бросаются въ глаза. Часто приходится слышать жалобы на небрежное храненіе турками такого знаменитаго памятника древности, какъ Софія. Это, положимъ, вѣрно. Нѣкоторыя оконца въ куполѣ совсѣмъ почему то замазаны или известкой или глиной; тоже случилось съ нѣкоторыми большими окнами по стѣнамъ храма; голуби разгуливаютъ по верхнимъ галлерейамъ, проникая вѣроятно въ разбитыя окна, хотя я разбитыхъ оконъ и не примѣтилъ (потому что не думалъ объ этомъ). Все это такъ: но вѣдь не многимъ лучше было и въ тѣ времена, когда св. Софія была въ рукахъ христіанъ. На это можно было бы привести доказательства, но въ этомъ я не вижу нужды. А главное вотъ что: Турки оставляютъ храмъ безо всякихъ измѣненій, какъ онъ есть. Они не дѣлаютъ въ немъ ни передѣлокъ, ни поправокъ, которыя несомнѣнно сдѣлались бы наигоршими ухудшеніями. Они просто напросто замазываютъ глиной или известью разрушившіяся окна; они, такъ сказать, бальзамируютъ трупъ и предохраняютъ его отъ дальнѣйшаго разложенія. Въ этомъ смыслѣ Турки являются наилучшими, самыми надежными хранителями археологическихъ древностей. Что стало-бы съ Софіей, если бы она была въ рукахъ греческихъ христіанъ? Безъ сомнѣнія они давно бы передѣлали ее многое множество разъ — и она давно перестала бы быть Юстиніановой Софіей. Загляните въ теперешніе храмы греческіе — въ нихъ нѣтъ *никакихъ* древностей. Греки такіе же цѣнители археологическихъ рѣдкостей, какъ наши купцы, которые готовы раскрасить каждую церковную древность

Вообще къ словеснымъ изліяніямъ такихъ писателей, какъ г. Марковъ, нужно относиться съ большимъ скептицизмомъ. Напр. онъ же (*ibid.*) риторствуетъ: „Вотъ мы предъ св. Софіей. *Никакой площади*, никакого простора кругомъ. Она сплошь *вся* застроена примкнувшими къ ней стѣнами и лавочками“. Но я долженъ сказать (какъ уже и говорилъ), что св. Софія находится на обширной площади съ фонтанами. Правда, эта площадь не со всѣхъ сторонъ обнимаетъ Софію, но это не мѣшаетъ ей имѣть совершенно открытый видъ. Ужъ былъ ли г. Марковъ въ св. Софіи, находясь въ Константинополѣ? не видѣлъ ли онъ ее съ какого-нибудь балкона въ Перѣ? А свѣдѣнія о ней не заимствовалъ ли отъ какого-нибудь словоохотливаго кавасса?

самоновѣйшими яркими красками и облицевать сусальнымъ золотомъ. Съ турокъ довольно и того, что они не обезобразили, не исказили Софіи. Пужно притомъ помнить, что и ихъ собственныя мечети содержатся едва ли лучше, чѣмъ Софія.

Но довольно разсуждать на тему, которую каждый можетъ разрѣшать по своему.

Когда я достаточно освоился и уяснилъ себѣ настоящее состояніе Софіи, я невольно перенесся къ воспоминаніямъ о прошедшемъ этого знаменитѣйшаго храма. На верхнихъ галлереяхъ, гдѣ теперь мирно воркуютъ голуби (какъ у насъ, въ Троицкой Лаврѣ въ трапезной церкви) прежде происходили цѣлые соборы. Тамъ создавались такіе акты соборовъ, которые мы и теперь изучаемъ или со вниманіемъ или недоумѣніемъ, но всегда съ интересомъ. Тамъ, на этихъ галлереяхъ, создавалась исторія церкви. А самый храмъ развѣ менѣе насчитаетъ заслугъ у себя, начиная съ глубокой древности? Не здѣсь ли происходили коронаціи и интроникаціи (патріаршія), провозглашалась анаѳема противъ однихъ и вѣчная память другимъ? Не сюда ли направлялись царскіе церемоніальные выходы, которые совершались такъ часто и которые служили знакомъ того, что Византія есть центръ православія? Вообще, Софія не только вліяла на ходъ церковной исторіи, но и на ходъ политики, создавая и исторію Византіи вообще, и во всякомъ случаѣ она была свидѣтельницей всѣхъ государственныхъ переворотовъ. Не здѣсь ли въ ея анаѳемахъ и провозглашеніи вѣчной памяти давалось направленіе умамъ: одно отвергалось, другое одобрялось въ религіозно-умственныхъ движеніяхъ времени? Но всего не перечтешь, что припоминалось мнѣ при видѣ этого великаго храма. Добавлю къ сей часъ сказанному развѣ одно: Софія почти въ теченіе тысячелѣтія оглашалась проповѣдію константинопольскихъ патріарховъ, — то мирною и грозною, то витіеваю и просто-душною, то властною и смиренною и т. д. Не здѣсь ли глаголомъ жегъ сердца знаменитый Фотій, неутомимый проповѣдникъ, бравшій бразды слова благовременно и безвре-менно? И припомнилось мнѣ содержаніе его горячихъ проповѣдей, произнесенныхъ по поводу Россовъ (русскихъ), подступившихъ въ 864 году лѣтомъ къ стѣнамъ Констан-

тинополя и грозившихъ обратить его въ развалины. Возвратившись въ отечество, я снова перечиталъ эти знаменитыя импровизаціи Фотія и старался выяснить, какое впечатлѣніе на слушателей могли имѣть эти полныя душевной горечи и почти отчаянія слова его: *πόθεν ἦν ὁ ὑπερβόρειος οὗτος καὶ φοβερός ἐπέσχηρε χειρῶν; συνθρήνησον μοι ταύτην τὴν Ἱερουσαλήμ, οὐκ ἀλούσας ἦδη καὶ χαμαὶ πεσοῦσας, ἀλλ' ἔργος κειμένην τοῦ ἀλόματος. Συνθρήνησον τὴν βασιλίδα τῶν πόλεων*¹⁾. Я увѣренъ, что слыша слова проповѣдника, всѣ плакали, какъ плакали ниневитяне, внимая грознымъ рѣчамъ Іоны. Я ясно представляю себѣ: какъ проповѣдывали Византійскіе патріархи въ Софіи и какое впечатлѣніе ихъ проповѣди производили. Но за то я никакъ не могу представить себѣ, какъ происходило торжественное богослуженіе въ Софіи. Самая апсида Софіи очень мала, не велико мѣсто отведено и для соли. Я никакъ не могу представить себѣ: гдѣ могли размѣщаться: патріархъ, многочисленныя архіереи, сонмъ священниковъ, — во время торжественнаго богослуженія? Гдѣ становились діаконы, возглашая эктении, гдѣ находили себѣ мѣсто чтецы, пѣвцы, кадиловжигатели, свѣщеносцы и т. п.? Турки позволяютъ свободно ходить апсидою и на солеѣ, но я ходилъ, мысленно размѣрять пространство, соображалъ, а въ результатъ не получилось ничего.

Но пора ужъ и распространиться съ Софіей. Я знаю всѣ лучшіе храмы русской церкви: Исакія и Казанскій въ Петербургѣ, Софію въ Киевѣ, Владимірскій въ Херсонесѣ и, конечно, Успенскій соборъ и храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Но всѣ они не могутъ производить того впечатлѣнія, какъ св. Софія Константинопольская. Этотъ храмъ единственный въ своемъ родѣ. Наши гг. Тоны не въ состояніи сравниться съ Анѳиміемъ изъ Траллъ и Исидоромъ

¹⁾ Переводъ: „откуда упалъ на насъ этотъ дальносѣверный и страшный перунъ (Россы)? Оплачь (народъ) со мною этотъ Іерусалимъ (Византію), еще не взятый и не падшій въ прахъ, но уже близкій къ гибели. Оплачь со мною царицу городовъ“. Бесѣды Фотія по поводу нашествія Россовъ изданы у насъ дважды: преосв. Порфиріемъ (Успенскимъ) и проф. Ловягинимъ.

изъ Милета, строителями храма юстиніанова, не имѣющими біографіи, но стяжавшими безсмертную славу ¹⁾).

Выходя изъ Софіи, я припомнилъ, что одинъ изъ моихъ добрѣйшихъ сослуживцевъ поручилъ мнѣ достать для него нѣсколько камешковъ отъ какой-нибудь софійской мозаики. Я принялся за исполненіе этого порученія. По самому мнѣ ковырять камешковъ не позволили. Это воспрещено. Не сразу стражъ-турокъ сдался на мою просьбу достать нужныхъ мнѣ камешковъ. Онъ сначала отпѣкивался, но потомъ дѣло уладилось. Разумѣется, переговоры за меня велъ мой куръ-Димитрій. Въ моихъ рукахъ очутилось что-то около 20 мозаическихъ камешковъ, а въ карманъ турка взамѣнъ ихъ пошла небольшая турецкая монета. Мой дорогой сотоварищъ, когда я передалъ ему эту драгоценность, усумнился: да подлинныя ли это камешки отъ софійской мозаики? не поддѣлка-ли это? но... но во первыхъ, турки народъ совѣтливый (это говорятъ всѣ знающіе ихъ) и грѣха на душу не примутъ, а во вторыхъ, стоило ли изъ-за ничтожнаго бакшиша, который развѣ съ пренебреженіемъ взялъ бы въ руки оффиціантъ русской гостинницы, поддѣлывать мозаическіе камешки? Полагаю, что поддѣлать ихъ, вѣдь, не совсѣмъ легко.

Въ Стамбулѣ, кромѣ св. Софіи, находятся два знаменитыхъ, древнихъ Византійскихъ храма: св. Ирины, превращенный теперь въ какой-то ареспаль, доступъ въ который закрытъ, и храмъ Апостоловъ — это усыпальница Византійскихъ императоровъ, начная съ Константина Великаго. Храмъ св. Ирины, находящійся подлѣ Софіи и отдѣленный отъ нея лишь толстою старинной стѣной съ воротами, сохранился замѣчательно хорошо и долго ласкалъ мои взоры своимъ сливочнаго цвѣта мраморомъ. Возлѣ него находятся массивныя надгробныя памятники-саркофаги Византійскаго періода, впрочемъ перенесенныя сюда изъ другого мѣста. На площади Припинскаго храма показываютъ толстѣйшее старое дерево-платанъ — съ обломленной вершиной, но съ зеленѣющими еще вѣтвями. Мнѣ кажется, что это дерево

¹⁾ По мнѣнію г. Кондакова и А. П. Мураньева Софія лучше даже св. Петра въ Римѣ, съ которымъ только она и можетъ быть сравниваема.

имѣть многосотлѣтнюю древность. Немного повыше роста человѣческаго въ стволѣ дерева воткнуты желѣзные крючья противной формы: мнѣ сказывали, что будто бы на этихъ крючьяхъ было повѣшено много христіанъ во время взятія Константинополя Турками. При мнѣ нѣкоторые туристы срывали съ дерева широкія листья на память. Я не сдѣлалъ этого. Мѣсто это глухое, не смотря на прекрасную площадь, съ которой открывается пріятный видъ. — Храмъ св. Апостоловъ, по всѣмъ видимостямъ, не сохранился въ первоначальномъ видѣ, будучи превращенъ въ турецкую мечеть съ именемъ Магометовой. Онъ съ виду походитъ на Софію, на которую въ древности не походилъ и, значитъ, подвергся значительной передѣлкѣ. Утверждаютъ, что въ его громадныхъ подвалахъ находится много древностей и гробницъ, никѣмъ не изслѣдованныхъ. Мечеть въ настоящее время окружена зданіями, въ которыхъ помѣщаются медресе, т. е. магометанскія школы, въ которыхъ получаютъ соотвѣтственное образованіе моллы. Она находится почти въ центрѣ Стамбула. Для меня пріятно было видѣть этотъ, хотя и малый, остатокъ старины, имѣющей столь тѣсное отношеніе къ моей специальности. Великія тѣни прошлаго замелькали въ моемъ воображеніи.

Спустя нѣсколько дней послѣ обзора св. Софіи, я предпринялъ путешествіе по тѣмъ мѣстамъ Константинополя, которыя составляютъ его святыню въ настоящее время. Было утро, приблизительно часовъ девять. Я съ вѣрнымъ мнѣ кур-Димитріемъ двинулся нѣшкомъ къ мосту, перерѣзывающему Золотой Рогъ въ нижней его части, прошли очень длинный мостъ, заплативъ по 10 пара (2 к.) съ человѣка за право переломать себѣ ноги, проходя этотъ удивительный мостъ и достигли извощичьей биржи, всего на всего истративъ на путешествіе минутъ 12. Здѣсь оказалось много извощичьихъ каретъ (кажется, для турчанокъ) и фаэтоновъ съ хорошими лошадьми и кучерами въ фескахъ (они сидятъ на своихъ высокихъ козлахъ точно какіе паши). Путь предстоялъ очень большой. Взяли фаэтонъ и поѣхали. Прежде всего, намъ нужно было ѣхать къ Живоносному Источнику. Для того, чтобы достигнуть этого мѣста, пришлось насквозь перерѣзать весь Стамбуль, обширнѣйшую

часть города ¹⁾, которая нѣкогда и составляла самую Византию. Проѣздъ Стамбуломъ былъ очень поучителенъ, потому что знакомилъ съ главной частію Константинополя, обнаруживая всѣ прелести турецкаго неряшества въ постройкахъ и привычкахъ. Наконецъ, по прошествіи, кажется, цѣлаго часа, мы выѣхали изъ города, если не ошибаюсь, силиврійскими воротами и очутились въ полѣ — не зеленомъ нашемъ полѣ, а Константинопольскимъ июльскомъ, желто-сѣромъ, уныломъ. Стало попадаться много деревьевъ. Чувствовалось, что мы за городомъ. Проводникъ сказалъ мнѣ, что ранней весною поля здѣсь покрываются пышною травой, деревья получаютъ роскошную листву и жители Константинополя приходятъ и приѣзжаютъ сюда насладиться прелестями весны. Я этому очень вѣрю. Мѣстность пріятная и можетъ доставить наслажденіе въ весеннюю пору. Но вотъ мы приѣхали въ монастырь, заключающій въ своихъ стѣнахъ знаменитый „Живоносный Источникъ“. Предъ вратами, не смотря на будничныи день, расположилось множество экипажей, свидѣтельствующихъ о массѣ богомольцевъ. Больше всего сюда стекается богомольцевъ по пятницамъ. Прежде всего, мы отправились къ „Источнику“. Онъ находится въ небольшомъ пещерномъ храмѣ, похожемъ на такой же храмъ, вмѣщающій икону Черниговской Божіей Матери и существующій возлѣ Троицкой Лавры въ такъ называемомъ Черниговскомъ скитѣ. Источникъ заключенъ въ водоемъ. Вода его вкусна и прозрачна. Я испилъ ее и даже оросилъ себѣ голову. Въ храмѣ пѣли молебенъ по-гречески, спѣшно и нестройно. Богомольцы омывали себѣ лице водой, пили ее, слушали молебенъ. При храмѣ, говорятъ, есть отдѣльная комната, гдѣ за особое вознагражденіе позволяется облить себя водой (ради укрѣпленія или возстановленія здоровья) съ головы до ногъ. Но я, конечно, не дѣлалъ этого. По выходѣ изъ пещернаго храма, мы прошли въ главный храмъ. Здѣсь повстрѣчался мнѣ монахъ, который громко сталъ возглашать: „давай, давай“ на чисто-русскомъ языкѣ. Обращеніе было сдѣлано ко мнѣ. Но я не

¹⁾ Прежде я думалъ, что Стамбуломъ по-турецки называется весь К-поль, но оказывается, что этимъ именемъ собственно называется стариннѣйшая часть города.

догадывался: чего ему „давать“ не смотря на три мѣдныхъ тарелки, которыя стояли предо мной на прилавкѣ. Я и тогда постарался бы не догадаться, что ему нужно, если бы въ добавокъ къ оглушительному окрику, онъ еще схватилъ бы меня за-воротъ. Храмъ свѣтель и привлекателенъ, содержится въ большомъ порядкѣ. Вообще, вся эта поѣздка произвела на меня пріятное впечатлѣніе; всѣ видѣнные мною въ эту поѣздку греческіе храмы мнѣ понравились. Вокругъ монастыря расположено самое богатое греческое кладбище, извѣстное подъ именемъ: Баликли. Здѣсь можно было видѣть нѣсколько могилъ патріаршихъ возлѣ храма. Кладбище осѣнено множествомъ деревьевъ; не мало повсюду виднѣется богатыхъ мраморныхъ памятниковъ разнообразной формы. Чувствовалось легко, зелень привлекала взоры. Но нужно было поспѣшать къ другимъ святынямъ Константинополя. Ѣхать пришлось что-то очень долго, по невозможной дорогѣ. Русскіе корреспонденты, когда описывали погребальную процессію патріарха Діонисія, скончавшагося въ августѣ прошлаго года, процессію, двигавшуюся по этому самому пути и направляющуюся къ „Живоносному Источнику“, мѣсту послѣдняго упокоенія почившаго святи-теля, называли эту дорогу „скверною“, но это слишкомъ снисходительное названіе. Дорогу слѣдуетъ назвать косто-ломною. Я думаю, что въ такомъ видѣ оказались дороги на островѣ Искія послѣ извѣстнаго землетрясенія. По пути вмѣсто песку разбросаны большіе булыжники, которые отъ времени хоть немного и сгладились, но въ сущности представляютъ собою лишь препятствіе къ движенію. Направо тянулась знаменитая Византійская стѣна, сохранившаяся настолько, что по ней можно судить, какова стѣна была въ свое время. Собственно, это не стѣна, а стѣны, ибо ясно видно, что за одной стѣной была другая, а за другой третья. Сохранились кое-гдѣ значительные остатки древнихъ башенъ, составлявшихъ звенья этихъ стѣнъ. Я никакъ не ожидалъ, чтобы остатки стѣнъ и башенъ были такъ значительны. Кромѣ того, возлѣ стѣнъ идетъ глубокой искусственный ровъ или каналъ, облицованный прочными камнями. Въ этотъ каналъ впускалась прежде вода изъ Мраморнаго моря. Теперь онъ заброшенъ. Для какихъ цѣлей служилъ каналъ — сказать не умѣю. По лѣвую сторону пути идетъ

сплошной лѣсъ кипарисовъ, служащій кладбищемъ для правовѣрныхъ масульманъ. Казалось, конца не будетъ этому кладбищу. Но вотъ мы достигли Влахернскаго монастыря. Въ храмъ богомольцевъ не было, но онъ былъ открытъ. Здѣсь хранится древняя икона Влахернской Божіей Матери. Есть въ храмѣ и св. источникъ, заключенный въ водоемъ. Вода вкусна. Въ этомъ источникѣ въ древности въ извѣстное время омывали свое тѣло христіаннѣйшіе Византійскіе императоры. Храмъ не великъ, но производитъ впечатлѣніе удобнаго прибѣжища въ молитвѣ. Вся внутренность монастыря покрыта богатою растительностью; подъ сѣнью деревъ поставлены столики; виднѣется гостинница или точнѣе ресторанъ. Въ праздничные дни богомольцы остаются послѣ богослуженія посидѣть въ зелени, попить кофе и что-нибудь покушать. Жалѣю, что не былъ свидѣтелемъ такого зрѣлища. Я представляю, что картина должна носить идиллическій характеръ. Во Влахернѣ можно видѣть разбитый колоколь, висящій на столбѣ. Говорятъ, что онъ пожертвованъ москвичами, но влахернская братія, по неумѣнью звонить, разбила его. Для звона теперь служитъ колокольчикъ среднихъ размѣровъ. Кстати сказать, что звонятъ греки пренепрятно (не такъ какъ у насъ). Ихъ звонъ похожъ на католическій, но много хуже. Звонъ „во всѣ“ не практикуется — быть можетъ и запрещенъ турецкимъ правительствомъ. Отъ Влахерна недалеко и до знаменитаго греческаго квартала: Фанаръ. А въ немъ, какъ извѣстно, помѣщается Константинопольская патріархія. Резиденціей патріарха служитъ монастырь св. Георгія. Дорога въ Фанаръ и изъ него показала мнѣ, что эта мѣстность одна изъ самыхъ грязныхъ и заброшенныхъ. Но это замѣчаніе не относится къ самой патріархіи. Монастырь Георгія представляетъ собой оазисъ среди людской пустыни. Онъ наполненъ растительностію. Храмъ не особенно великъ, но изобилуетъ свѣтомъ. Сердце жизнерадостно трепещетъ, чувствуя неожиданный переходъ отъ ощущеній тягостныхъ къ радостнымъ. Въ храмѣ все хорошо. Люстры, замѣняющія наши тяжеловѣсныя паникадилы, переливаютъ всѣми цвѣтами радуги. Чисто, воздухъ здоровый. Мы ожидали встрѣтить здѣсь много замѣчательныхъ святынь и достопримѣчательностей, но очень ошиблись. Показываютъ нѣ-

сколько останковъ отъ мощей. На длинномъ и узкомъ столѣ поставлены три ковчега, имѣющіе форму маленькихъ гробиковъ, и въ нихъ заключаются: въ одномъ кости святой Евѳиміи мученицы, въ другомъ Оеофаніи, жены Льва Мудраго, въ третьемъ Соломіи, матери Маккавеевъ. Непосредственно къ нимъ прикладываться нельзя: кости видны чрезъ стекло, вставленное въ верхней, болѣе широкой части ковчеговъ. Для меня особенный интересъ представляли останки св. Евѳиміи, имени которой былъ посвященъ храмъ въ Халкидонѣ. А въ этомъ халкидонскомъ храмѣ происходилъ знаменитѣйшій изъ вселенскихъ соборовъ — Халкидонскій. Но тамъ (въ Халкидонѣ), судя по описанію историка Евагрія, почивали цѣлокупныя мощи мученицы, а не малый остатокъ отъ нихъ. Показываютъ также каеэдру Златоуста. Это высокій деревянный стулъ или кресло изъ чернаго дерева съ высокой спинкой и длинными ножками. Ясно, что это не подлинная каеэдра Златоуста. Ибо Софійскій храмъ, гдѣ находилось епископское сѣдалище Златоуста, дважды сгорѣлъ до времени Юстиніана; да и каеэдра, конечно, была мраморная, а не деревянная. Какой эпохѣ принадлежитъ стулъ, теперь показываемый въ патріархіи, сказать не умѣю. Форма стула -- венеціанская. Еще показываютъ икону Богородицы и свѣчной ящикъ съ инкрустаціями (не употребляющійся въ дѣло) съ присовокупленіемъ свѣдѣній, что будто это — предметы, составившіе принадлежность софійскаго храма предъ его метаморфозой въ мечеть. Дальше осматривать было нечего въ Георгіевской церкви. Пономарь-грекъ, сущій Адонисъ по красотѣ лица, но въ пиджакѣ, отверзшій намъ двери храма и ознакомившій съ его святынями и достопримѣчательностями, получилъ небольшой бакшишъ, безъ котораго нельзя обойтись на Востокѣ -- и мы оставили осмотренную церковь. — Патріаршіе покои не поражаютъ ничѣмъ. Это скромное жилище, какое у насъ имѣетъ архимандритъ порядочнаго монастыря; но все же помѣщеніе очень прилично. Самъ патріархъ (Діонисій) всю весну и лѣто этого года не жилъ въ городѣ, а на собственной дачѣ, близъ Никомидіи (сообщеніе по желѣзной дорогѣ) и какъ извѣстно, въ августѣ неожиданно скончался. Внутри монастыря бросаются въ глаза ворота, совершенно отдѣльно стоящія и замкну-

тыя; если не ошибаюсь, столбы ихъ каменные, а створы деревянныя. Ворота не новы. Это тѣ самыя ворота, на которыхъ (въ 20-хъ годахъ текущаго вѣка) повѣшенъ былъ Турками патріархъ Григорій V, ошибочно считающійся знаменитымъ іерархомъ. Что это демонстрація или реликвія? или то и другое вмѣстѣ? Какъ бы то ни было, толерантные или идифферентные турки и ухомъ не ведутъ при видѣ такого оппозиціоннаго факта. По другую сторону улицы, рядомъ съ монастыремъ, находится хорошенькій скверъ, принадлежащій патріархіи. Изъ Галаты и Перы въ патріархію можно пріѣзжать срочнымъ пароходомъ, что очень удобно. — Время близилось къ двумъ часамъ и мы поспѣшили въ Перу, чтобы присутствовать на одномъ религіозномъ масульманскомъ зрѣлищѣ, начинавшемся именно въ два часа того же дня (но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ).

Изъ посѣщенія греческихъ храмовъ, вышеописанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, мы вынесли очень благопріятное впечатлѣніе. Свѣтлые, со вкусомъ убранные, чисто содержимые греческіе храмы какъ-то успокоительно, миротворно и отрадно дѣйствуютъ на душу. Они не подавляютъ, какъ это бываетъ въ очень большихъ и массивныхъ храмахъ, — человѣка, возбуждая въ немъ чувство своего ничтожества, не поселяютъ страха и трепета въ сердцахъ, а поднимаютъ духъ, вливаютъ въ него сладостное чувство небснаго мира, насаждаютъ мысль о томъ, что мы не сосуды только скудельные, но и чада сыноположенія.....

Пилигримствуя при вышеупомянутомъ случаѣ по греческимъ храмамъ, извѣстнымъ своими святынями, я по дорогѣ заѣхалъ въ одну мечеть, въ которой нѣтъ христіанскихъ святынь, но есть высокаго достоинства художественныя произведенія христіанской древности. (Объ этой мечети мы не упомянули въ своемъ мѣстѣ, не желая прерывать нити нашего разсказа, касающагося одного опредѣленнаго предмета). И не раскаялся въ этомъ. Разумѣю: мечеть Кахріе-Джамиси ¹⁾, славящуюся христіанскими мозаиками, въ ней

¹⁾ Джамиси и значитъ мечеть. А слово: Кахріе, вѣроятно, есть искаженное греческое слово *χώρας*, т. е. сельскій или загородный, какимъ именовался монастырь, изъ котораго передѣлана мечеть.

сохранившимися. По дорогѣ во Влахернѣ я заѣхалъ и въ эту мечеть, не предполагая однако найти въ ней что-либо особенное. Я не былъ знакомъ съ мозаиками Кахрие-Джамиси въ хорошихъ снимкахъ; но за то зналъ блестящіе снимки софійской мозаики, изданные Фоссати и сдѣланные этимъ художникомъ при реставрированіи Софіи въ 40-хъ годахъ, не менѣе блестящіе снимки Солунской мозаики Тессе и наконецъ поражающіе своимъ изяществомъ снимки съ катакомбныхъ фресокъ Перре. Всѣ эти снимки, какъ слишкомъ красивые, мнѣ казались подозрительными по отношеніи къ точности, — преукрашенными. Тоже чувство недовѣрія испытывалъ я и приступая къ обзору мозаики указанной мечети. Я полагалъ найти вмѣсто прославляемыхъ за свою красоту мозаикъ что-нибудь тусклое, неясное, неопредѣленное словомъ, слишкомъ археологическое. Но меня постигло пріятное разочарованіе. — Мечеть стоитъ въ захолустьѣ Стамбула, — такомъ захолустьѣ, подобнаго которому, пожалуй, еще и не найдешь въ Стамбулѣ, гдѣ стоитъ эта мечеть. Пришлось ѣхать какой-то похужей на проселочную дорогую и спуститься чуть ли не въ оврагъ, гдѣ, какъ оказалось, и находится мечеть. Надежда встрѣтить здѣсь что-либо замѣчательное еще больше ослабѣла во мнѣ. Но стоило только войти въ мечеть, какъ всѣмъ сомнѣніямъ сейчасъ же наступилъ конецъ. Древніе притворы храма, обращеннаго въ мечеть, оказавшіеся не нужными для Турокъ, остались почти въ томъ-же видѣ, какой они имѣли въ XV-мъ вѣкѣ. А въ этихъ притворахъ находится большое количество христіанскихъ мозаикъ. И что это за мозаики? Если не всѣ, то многія изъ нихъ, именно тѣ, которыя меньше пострадали отъ времени и неурядицъ Турокъ, просто очаровывали взоры: лики и фигуры Богоматери, Предвѣчнаго Младенца, праведнаго Іосифа, волхвовъ, пастырей и различныхъ аксессуарныхъ персонажей — въ различныхъ художественныхъ комбинаціяхъ — выступаютъ предъ зрителемъ въ яркихъ, почти свѣжихъ цвѣтахъ и являются исполненными жизненной правды. Какимъ образомъ эти мозаики такъ хорошо сохранились и какимъ образомъ посредствомъ такого неблагоприятнаго матеріала, какъ камешки, можно придать изображеніямъ жизненность и движеніе, вообще художественную правдивость? Это не могло

не поразить меня. И хотя не полное освѣщеніе, которое составляетъ недостатокъ мечети — не даетъ въ совершенствѣ уловить каждую деталь, но это не мѣшаетъ зрѣлицу быть глубоко поучительнымъ. Замѣчательно: по сторонамъ внутренней двери, ведущей въ мечеть, находятся два большія мозаическія изображенія апп. Петра и Павла; эти мозаики невольно должны бросаться въ глаза каждому мусульманину, входящему въ мечеть. По турки, оказывается, — народъ себѣ на умѣ. Они сдѣлали нѣкоторыя приспособленія, благодаря которымъ мозаическія изображенія Петра и Павла становятся невидимыми, когда входитъ въ мечеть турокъ и напротивъ являются во всей своей красотѣ взору христіанина, когда этотъ посѣщаетъ Кахріе-Джамиси. Дѣло дѣлается просто. Рядомъ съ изображеніями повѣшены деревянные щиты или ставни, которыми закрываются мозаики, когда мечеть открыта для Турокъ, и которые открываются, если приходитъ христіанинъ и несетъ бакшишъ. — Мечеть и посѣщеніе ея ясно показали мнѣ, какое значеніе имѣютъ путешествія для человѣка, призваннаго заниматься наукой. Никакія описанія, никакіе рисунки не убѣдили бы меня въ томъ, въ чемъ убѣдили меня въ самое короткое время собственные глаза. Я вошелъ въ мечеть сомнѣвающимся, а вышелъ отсюда глубоко вѣрующимъ. Прекрасныя мозаики, дошедшія до насъ отъ древности, какъ я ясно увѣрился, не суть плодъ фантазіи археологовъ, не рѣдко грѣшащихъ увлеченіями въ области своей специальности, но дѣйствительные, реальные факты. Безмолвный урокъ, преподанный мнѣ въ Кахріе-Джамиси, послужилъ мнѣ въ пользу. Я тогда же рѣшилъ обозрѣть при случаѣ и другія прославленныя христіанскія древности — въ увѣренности испытать такое же наслажденіе, какое доставили мнѣ мозаики этой мечети. Я составилъ себѣ и планъ такого путешествія ¹⁾).

А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Я рѣшилъ посѣтить, если Богу будетъ угодно, и Афонъ, и Солунь, и Римъ съ ихъ прославленными памятниками.